

Галина Романова

СЛУГА ЧАРОДЕЯ

**ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕКРОМАНТА.
КАК НАЧАТЬ КАРЬЕРУ**

**ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕКРОМАНТА.
КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ**

Галина Романова

Записки провинциального некроманта.
Как не потерять работу

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р69

Художник
Е. Никольская

Романова Г. Л.
Р69 Записки провинциального некроманта. Как не потерять работу: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 407 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1329-4

Начало было многообещающим: ты один, в чужом городе, и в твою дверь стучится прекрасная незнакомка, умоляя о помощи. Только вот просит она другого человека — того, чьим именем тебе пришлось называться. И зовет с собой в старинный замок, где с недавних пор творится что-то странное... Как интересно!

Но, отправляясь в путь под чужим именем, скромный провинциальный некромант Згаш Груви и не подозревал, что подземный некрополь таит в себе нечто более зловещее, чем неуспокоенный мертвец. Что впереди его ждут такие приключения, при которых крайне важно не потерять себя, не говоря уж о работе!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1329-4

© Романова Г. Л., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Перышко прилежно скользило по пергаменту, но стоило бросить взгляд за окно, как оно замедлило свое движение и совсем остановилось.

А красивый отсюда открывается вид! Со второго этажа можно рассмотреть поросший разнотравьем склон, спускающийся к реке с берегами, густо покрытыми зарослями ивняка. На другом берегу до самого горизонта раскинулись луга и перелески, где бродит стадо. Вдалеке виднеется небольшая деревенька. Большие Звездуны находятся в другой стороне, но если встать у окна, то справа можно увидеть Малые Звездуны...

Спрашиваете, что это такое? Большие Звездуны — простой провинциальный городок, каких много на карте страны, за свою долгую историю несколько раз переходивший из рук в руки. Сначала им владело семейство графов Масов, пока лет двести назад, когда никого из совершеннолетних представителей старой династии не осталось в живых, его не забрали себе Байты, их дальние родственники. Лишь в прошлом году удалось восстановить справедливость и вернуть Большие Звездуны с пригородами прежним владельцам. Но для этого мне и моему непосредственному начальнику пришлось изрядно потрудиться.

Спрашивается — кому? Автору этих строк, скромному провинциальному некроманту Згашу Груви, прошлогоднему выпускнику Колледжа Некромагии без отличия, но зато с действительным дипломом, прошу любить — и не жаловаться. Вообще-то мне здорово повезло, что местному городскому некроманту мэтру Рубану Куббику срочно понадобился помощник. У меня не было никаких шансов нормально начать свою карьеру: Колледж Некромагии за последние годы

выпустил столько представителей этой профессии, что между некромантами развернулась нездоровая конкуренция за место под солнцем.

Один такой недоучка — барон Гебриан Чернореченский, отчисленный за грубейшие ошибки на экзамене, прикончил своего сокурсника, а потом потребовал, чтобы профессора сделали из него упыря! — как раз и вознамерился стать главным городским некромантом в Больших Звездунах. Он выбрал этот город потому, что именно здесь его младшая сестрица, леди Гемма Чернореченская, была замужем за наследником имени и титула графов Байтов, Ладианом. Эта парочка ни больше ни меньше хотела убить двух зайцев одной стрелой — избавиться сразу и от нынешнего некроманта Рубана Куббика, и от тогдашнего градоправителя, поставленного графиней Лавиной Байт над городом, Анджелина Маса... Имя знакомое, да? Точно! Анджелин был последним представителем некогда многочисленного и славного семейства графов Масов. Хотя почему «был»? Он и сейчас им остается и по-прежнему правит городом, только уже от своего имени. История получила огласку, приезжал королевский дознаватель, который и передал Анджелину Масу бразды правления, а через некоторое время — и возвращенный титул графа со всеми привилегиями.

Всему этому мне довелось быть свидетелем, и, помнится, сначала не понравилось, что тут происходит... Ну и парочку ошибок я тоже допустил, сгоряча начав воскрешать всех подряд. Дошло до того, что пришлось усомниться в правильности выбранного пути. Я даже написал заявление об уходе. Градоправитель заставил меня отработать до конца сезона — и хорошо сделал. Ибо, задержавшись тут против воли, в результате я получил не только оплачиваемую работу, но и признание, дружбу кое с кем из сильных мира сего и... женился. Моя жена, она...

Тихий скрип ступенек прервал ход мыслей. На пороге комнаты остановился мэтр Рубан Куббик, мой напарник, ибо с прошлой осени я перестал быть только помощником и стал его полноправным партнером.

При взгляде на этого сорокалетнего человека никто не скажет, что он — некромант. Обычный мужчина, крепкого сложения, с простым лицом, он даже одевался не в черное, как, считают обыватели, должны одеваться некроманты, а щеголял в одежде горожанина средней руки. Если бы не знак гиль-

дии — индивидуальный амулет на цепочке — да ритуальный кинжал в ножнах на широком, украшенном бляхами поясе, его принимали бы за зажиточного ремесленника. Неудивительно, что, когда я приехал, горожане просто-напросто отказывались объяснять мне, где он проживает: ни сам мэтр Куббик, ни его двухэтажный каменный дом на отшибе не производили впечатления «гнезда некромансеров». Для всех это был еще один сосед, любитель кошек и самогонки, настоящей на травах. Я, впрочем, не лучше: явившись глубокой ночью, ухитрился перепутать будущего начальника с упырем. Мы даже подрались...

— Чем вы занимаетесь, Згаш? — поинтересовался мэтр.

— Да так... ничем особенным.

— Мемуары? — Мэтр подошел и заглянул через плечо. — Не рановато ли? В вашем возрасте? Вам всего двадцать четыре и... Молчу-молчу! — Что-то в моих глазах было такое, отчего мэтр отступил на шаг и вскинул руки. — Понимаю, за последний год вам пришлось пережить столько, сколько не снилось никому из ваших ровесников! Взять хотя бы весенние события...

— Не надо! — вырвалось у меня против воли.

— Надо, — мягко перебили в ответ. — Вам, Згаш, надо взять себя в руки и описать все это... Поверьте, станет легче!

— Я не писатель!

— Напишите как умеете! Ваш отчет о том, как вы расследовали историю преступлений Гебриана Чернореченского, внесли в городскую летопись практически без изменений... Разве что имя переправили...

— На Дей Долл, — вспомнил я.

— Да. Хотя бы потому, что в материалах следствия упоминалось, что барон Чернореченский собирался жить и работать на моем месте именно под этим псевдонимом. И, кроме того, его семейство настаивало на таком варианте. Никому не охота признавать, что в их роду имеется преступник. Обычно это стараются замалчивать...

— И поэтому отдуваться за всех пришлось мелкой сошке, этому лейтенанту Винту, — вспомнил я городского стражника, который шпионил за Анджелином Масом для леди Геммы и ее брата.

— Увы! Но приговор оглашен, и никто ничего менять не намерен, — припечатал мэтр Куббик. — Я чего зашел... Если

вы в порядке и не слишком заняты, займитесь наконец Динкой. Я уезжаю на весь день, а вы остаётесь за старшего, так уж присмотрите, чтобы девчонка хотя бы книги почитала. А то ее Гражина опять к домашнему хозяйству припряжет...

Я кивнул, глядя на лист пергамента, где красовалось несколько строчек. Динка... Хуторская девчонка, в которой неожиданно обнаружился дар настоящей волшебницы. Позволить ему пропадать не хотелось, но платить за ее обучение было некому, так что мы с напарником взяли девочку к себе и по очереди учили грамоте и остальным наукам. Придет время, и Динка хотя бы сможет заниматься знахарством, то есть делать то, для чего рождена.

— И хватит сидеть взаперти! — снова ворвался в мысли голос мэтра Куббика. — Жизнь продолжается несмотря ни на что... Весна кончилась, уже давно лето! Пора начать думать о настоящем, если будущее вас пока тревожит.

— Очень тревожит, — буркнул я.

— Ничего, вы справитесь! Я в вас верю!

Мэтр вышел и, прибавив: «Скажите Гражине, что буду поздно!» — стал спускаться по лестнице.

А я вздохнул и обмакнул перо в чернила. Может быть, он прав и, стоит доверить пергаменту описание событий недавнего прошлого, мне действительно станет легче дышать?

ГЛАВА 1

— Ну вот так! — Колышек отточенным движением вонзился в грудь между пятым и шестым ребрами. — Теперь не встанет!

— Точно так?

— Точнее не бывает! — Я присел на корточки возле трупа, осторожно осматривая его. Обычное на первый взгляд бледно-серое тело, несколько недель пролежавшее в снегу. Выглядит как новенькое, даже трупных пятен нет, почему и возникло подозрение. — Мы работаем с гарантией!

— А точно это того... ну она?

Заказчики опасливо топтались в сторонке.

— А кто?

Невинный вопрос поставил хуторян в тупик. Как по команде они полезли чесать затылки.

— Ну это как же... Коли так... Чего уж... — слышались бормотания.

— Вот и ладушки. — Я встал, отряхивая ладони. — Можете грузить и везти хоронить.

На ладонях остался трупный запах, и я набрал полные пригоршни весеннего колючего снега, вытираясь. После чего попятился, уступая место мужикам, которые бочком стали спускаться в неглубокий овражек, где валялось тело.

Весна в этом году выдалась поздняя, но дружная; еще вчера сугробы доставали до пояса, и каждый день начинался с того, что приходилось заново протаптывать тропинки к калитке и на конюшню, а сегодня уже все растаяло. Поля очистились от снега за считанные дни, в городе он исчез того быстрее, и из сугробов полез весь мусор: доски, тряпки, дохлые крысы, оброненные рассеянными прохожими мелочи, «подснежки»...

Бесхозных трупов, когда случайно умерший, замерзший или убитый грабителями прохожий был до весны занесен снегом, а потом оттаял, в этом году было не больше и не меньше, чем в прошлые разы, но из-за стремительно наступившей весны казалось, что они лезут практически отовсюду. С начала оттепели это был уже восьмой вызов — непогребенные тела с приходом весны превращались в упырей и атаковали людей и животных. В холодное время года личиночная стадия, за время которой «простой» покойник превращался в упыря, увеличивалась с девяти дней до двух месяцев, так что попадались тела разной степени разложения. Хорошо, если как в хуторе Веселом (вот такое оригинальное название), успели вовремя заметить готовую к вылуплению *личинку* и вызвали некромантов. Еще бы день-два, и было поздно!

Кстати, далеко не каждый вовремя не погребенный труп становился упырем. Но перепуганным прошлогодним нашествием оживших мертвецов людям нежить мерещилась повсюду. Вот и приходилось тратить осиновые колья на проделывание дырок в совершенно безвредных покойниках! Эти колышки, между прочим, вещица одноразовая!

Бормоча заговоры от дурного глаза, хуторяне выволокли труп раздетой до исподнего простоволосой женщины и, кое-как замотав в дерюгу, свалили на подводу. Мне никто не подал руки, чтоб помочь выбраться из оврага, да и немудрено — побаиваются у нас люди представителей моей профессии. А сельский некромант — личность нужная. Если бы не я... ладно-ладно, *если бы не мы* с моим напарником мэтром Рубаном Куббиком, тут прошлой осенью такое было бы...

День тогда был выходной, один из дней традиционной осенней ярмарки, когда на седмицу в город съезжаются хуторяне со всей округи — что-то продать, что-то купить, обменяться новостями, поглазеть на заезжих артистов, просто выпить пива в кабаке. Площадь перед ратушей была заполнена народом, и высыпавшие на площадь горожане своими глазами увидели, как раскрываются тяжелые ворота расположенного возле храма Свентовита жальника, и оттуда, покачиваясь и поминутно цепляясь друг за друга, выходят полуразложившиеся мертвецы.

Зрелище было то еще. Накануне у заговорщиков кое-что пошло не так: виконт Ладиан Байт, муж леди Геммы и наслед-

ник имени и титула, вызвал на дуэль Анджелина Маса и был им убит. Расследовать это дело прибыл королевский дознаватель, но накануне главный подозреваемый, который мог бы поведать ему правду, загадочным образом «внезапно» покончил с собой... То есть покончил бы, если бы не некий молодой некромант, спасший градоправителю жизнь. Понимая, что ситуация выходит из-под контроля, Гебриан Чернореченский поднял с храмового жальника всех мертвецов и двинул их на ни в чем не повинных людей. Как ни странно, помогал ему в этом старый первосвященник храма Свентовита, когда-то давным-давно, слишком давно для обычного человека, тоже закончивший Колледж Некромагии. Эти два некроманта — бывший и будущий — готовы были потопить город в крови.

Мне тогда пришлось встать у них на пути. Как сейчас помню «Дея Долла» в черном плаще и кольчуге, в шлеме, закрывающем лицо, на вороном коне во главе воинства мертвяков. Как наяву вижу, стоит закрыть глаза, как он вдохновенно размахивает руками, пытаясь управлять этой толпой — и старого пра, который на самом деле и был здесь главным и лишь использовал молодого глупца. Старику я остановил сердце, а оставшегося без поддержки Гебриана Чернореченского в два счета чуть было не разорвали упыри. На суде он красовался в бинтах, из-под которых виднелись только глаза. Наверное, шрамы до сих пор не сошли и он живет в родовом замке, не рискуя даже родным лишний раз попасться на глаза...

Привязанная в сторонке кобыла повернула голову, наблюдая за хозяином. Красивая мне досталась лошадка, не то что старый мерин, на котором я ездил прошлой осенью! Соловой масти длинноногая красавица из графских конюшен, подарок Анджелина Маса, обладала сложным характером: как и все красивые женщины, она была убеждена в своей исключительности и не могла смириться с тем, что ей отныне придется носить на себе какого-то некроманта.

«Ну, и долго нам тут стоять? — читалось в лошадиных глазах. — Мне скучно!»

— Сейчас поедем, — промолвил я, убирая в седельную сумку инструменты — свечу, толстую книгу заклинаний, моток веревки из крапивы. Остальное давно уже рассовано по карманам.

Хуторяне о чем-то переговаривались, и я краем уха прислушивался к их голосам.

— Да Хвеська это, неужто не поняли?

— Откуда? Рожа-то вся какая... И мать родная не признает!

— Это какая Хвеська? Поярова женка, что ли? С Нижнего хутора?

— Она самая... Глянь!

— Ого! Точняк, она, робя! Пояр в том месяце все плакался, что, мол, ушла его баба по воду и не воротилась.

— А то ты Пояра не знаешь? Сам небось самогона напился, да и выгнал ее из дому в чем мать родила. А ее сеструха как раз у нас, в Веселом, замужем живет. Вот Хвеська небось побрела к ней, да, видать, в сугробе и замерзла... Самую малость не дошла!

— Да уж... Вот ведь жизнь-то какая... Детки небось...

— Нет... Не прижили они с Пояром детей. Вот он и лютовал. А ежели б Хвеська хоть одного понесла, жили бы себе и жили, горя не знали!

Хуторяне понизили голос, переходя на шепот.

Я медлил, поневоле прислушиваясь к разговору. О чем они там могут шептаться? О размерах моего гонорара или перебивают косточки мужу покойницы? Так уж вышло, что и моя семейная жизнь не слишком ладилась. Нет, не подумайте чего плохого! Я жену люблю. Просто... видимся мы редко. Могла бы и почаще вспоминать, что у нее законный супруг имеется! Она у меня хорошая, но...

— Господин некромансер! — отвлек от размышлений голос.

Как же я не люблю, когда коверкают название моей профессии! Неужели так трудно запомнить?

— Чего? — Взгляд сам собой скользнул к рукам мужика. Нет, без денег...

— Вы бы это... ну... с нами до хутора проехали бы?

— Зачем? Ее теперь на погост надо — отпеть и похоронить. Если все обряды соблюсти, даже не придется лишние деньги тратить и второй раз специалиста нанимать, чтобы нейтрализовали могилу, — откровенно намекнул я на материальное вознаграждение. — Это, между прочим, обойдется в полтора раза дороже, чем первый вызов!

— Да там это... того... — хуторянин обернулся на остальных мужиков, — дельце там небольшое есть!

Я посмотрел на солнце. Жарит по-весеннему! Полдень только что миновал, времени достаточно, погода хорошая, срочных вызовов вроде нет, так почему бы, в самом деле...

— За отдельную плату!

— Само собой, господин некромансер! Само собой!

Подвода и шагавшие рядом мужики уже двинулись в сторону хутора. Дорога раскисла, завернутый в дерюгу груз качался на ухабах и ямах, и казалось, что покойник ожил и пытается размотать ткань, в которую его обернули. Каждое случайное движение заставляло хуторян шарахаться в стороны, но я спокойно шагал рядом, ведя кобылу под уздцы, и ненапускное спокойствие «спицилиста» заставляло окружающих успокаиваться тоже.

Хутор Веселый представлял собой скорее маленькую деревеньку — четыре дома с надворными постройками были окружены одним большим забором. Рядом были пристроены загонны для скота и огорода. Чуть в стороне, за огородами, виднелась парочка домов поменьше и поскромнее — обычно там, отдельно от хозяев, селятся семейные батраки. Хозяйство у них, как правило, невелико: одна-две коровы, несколько кур или уток, иногда свинья или пара овец. Редко кто имеет лошадь. А куда еще-то? Все равно работа на хозяина отнимает много времени и просто некогда обихаживать столько живности. Рано или поздно такие батраки все-таки отделяются, заводят свое хозяйство, подрастают и строят свои дома их дети — и, глядишь, через два-три десятка лет вместо хутора стоит деревенька.

Мне думалось, что «небольшое дельце» состоит в том, чтобы сопроводить покойника в последний путь, дабы проследить, чтобы все обряды были справлены честь по чести, и «запереть» его, окончательно обезопасив людей от умертвия. Сначала так оно и было. Пришлось тащиться до погоста, находившегося примерно в паре верст дальше, на окраине большого села. Там с умным видом постоять над могилой, прочесть несколько строк стандартного заклинания и, после того как покойницу засыпали землей, трижды обойти посолонь¹ могилу, посыпая землю смесью толченого перца, пепла осины и сушеной петрушки. Откуда мэтр Куббик вычитал рецепт этого «зелья», оставалось тайной, но оно работало! Во всяком

---

¹ Посолонь — по ходу солнца, справа налево. — *Здесь и далее примеч. авт.*

случае, из могил, «обработанных» этой смесью, еще никто не пытался вылезти.

По возвращении на хутор ожидалось, что я получу наконец причитающуюся плату и отправлюсь восвояси. Но людям свойственно ошибаться.

— Прошу вас, господин некромансер, пройдите-ка немного!

Что, опять?

— Далекое?

— К ручью!

Означенный ручей протекал в глубоком овраге за хутором. Склоны его были такими крутыми и так густо поросли ивами, что оставалось лишь дивиться, как люди терпят его соседство. Ведь если с кручи сверзится корова — пиши пропало. Да и пьяный мужик, свалившись туда по зимней поре, рискует замерзнуть насмерть. Впрочем, судя по следам на коре молодых деревьев, овраг этот сильно привлекал коз, так что, наверное, какая-никакая выгода имелась.

Идти пришлось вдоль края оврага, косясь на открывающуюся внизу панораму. На поверхности уже царила весна, но на дне оврага лежал снег. Серая ленточка оттаявшего ручья извивалась между сугробами. Слышалось журчание воды, звонкие вопли птиц, вкусно пахло землей, свежестью и, как ни странно, травой. Светило солнце. Жизнь была прекрасна. Это неправда, что некроманты — мрачные типы, которым по душе сплошь ночь, кладбища и трупы. Мы же не виноваты, что у нас такая работа, а люди любят мыслить стереотипами.

Примерно через полверсты овраг превратился в небольшой котлован, на дне которого серым пятном выделялся прудик, окруженный деревьями и кустами. Склоны тут были более пологие — можно спуститься, не рискуя переломать ноги-руки. Судя по всему, пруд был образован насыпью, которая разделила овраг на две половины, преградив ручью путь. Узкая тропинка вела вниз, к шаткому дощатому мостику, по которому только пешком и идти, и поднималась на противоположный склон.

— Далекое еще?

— Пришли уже, господин некромансер.

Сопровождавший меня хуторянин широким жестом пригласил пройти первым. Ладно. Если он вздумает напасть со спины, я успею почувствовать замах и защититься.

— В овраг?

— На ту сторону. Во-он, видите? Хибарка в зарослях?

А ведь и правда! На той стороне оврага, за кустами, действительно что-то темнело. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это крыша глубоко вросшего в землю серого от времени сруба. Плетень кое-как отгораживал его от остального мира, кроме той стороны, где кустарник был гуще. Тропа вилась мимо сруба, уходя в поля вдоль противоположного склона оврага.

— А что там?

Хуторянин замялся, выдавливая слова буквально по слогу.

...Ведун поселился там давно — лет десять уже тому как, если не больше. Откуда он пришел — неизвестно. Спрашивать было боязно, сам он про себя ничего не рассказывал. Просто пришел, просто попросил мужиков помочь подлатать протекавшую крышу и переложить очаг. Денег при себе у него было немного, так что по первости он платил, а потом сам стал брать плату — больных пользовал, дельные советы давал, урожай заговаривал, скотину лечил, гадал. Всего помаленьку. Денег почти не брал, но от еды и всякой утвари-рухляди не отказывался. Своего хозяйства за десять лет не завел. Был конь — он его продал. Была собака — околела от старости. Завел как-то кур, да всех зимой и перерезал. К нему за помощью и советами со всех окрестных хуторов и деревень приходили и приезжали. Он всем помогал.

До недавнего времени. Ибо вот уже несколько дней дверь дома оставалась закрытой. Гадая о будущей весне — когда наступит, не пора ли сеять, — к нему несколько раз приходили люди, но ведун не показывался. Снег возле дверей был нетронут, свежих следов не заметно, и люди терялись в догадках, что же произошло. Вот и решили воспользоваться случаем и отправить «на разведку» приезжего некроманта. Дескать, если что случилось, то пусть он сам разбирается — небось одного поля ягоды.

— Да заодно бы, это... ну... ежели уж поздно, — хуторянин аж вспотел, — сделайте так, чтоб он нам не слишком-то вредил... опосля кончины-то, а? Сделаете?

— Посмотрим, — ответил я.

Внутри бушевали противоречивые чувства. Да, всем известно, что ведуны и колдуны умирают тяжело. Иной мучается несколько дней, пока не найдет, кому передать свою силу.

А коли такое все-таки происходит, умерший колдун или ведун — или маг, тут разницы никакой — становится беспокояником. И от такого неупокоенного мертвеца избавиться намного сложнее. Собственно говоря, я в принципе не уверен, что смогу одолеть его в одиночку.

...Но каковы эти хуторяне! Самим, значит, было боязно нос сунуть, узнать, что с человеком случилось, а как жареным — то есть тухлятиной — запахло, сразу засуетились. А если ему помощь была нужна? Хотя бы кружку воды подать... А ведун в некотором роде мой коллега — оба имеем дело со сверхъестественным, оба так или иначе служим людям. Правда, у некромантов есть цех¹, а ведуны сами по себе, но сути дела это не меняет.

Пальцы плотно сомкнулись на рукояти ритуального ножа. Эх, жаль, меч оставил возле седла! Впрочем, он простой, против нежити мой ножичек подходит куда больше. Та-ак... Подходим к калитке... Пока все тихо...

Снег почти везде растаял, но все равно свежих следов присутствия человека отыскать не удалось. Видимо, правда, обитатель дома уже несколько дней не показывался наружу. Что это значит? Одно из двух. Либо у него уже нет сил дойти до порога, либо он пока еще не хочет этого делать.

— Сколько прошло дней?

— А? — Хуторянин аж подпрыгнул, роняя шапку, которую все это время тискал в руках.

— Сколько времени прошло с тех пор, как ведуна видели в последний раз?

— Ну-у... э-э... Седмицы две. На Комоеды² его звать хотели, чтоб, значит, он священный костер заговорил. В начале седмицы к нему заходили, приглашали. Он обещался быть, да не зашел... К нему тогда ходили — вот и заметили, что снег на дворе следами не тронут...

На Комоеды, значит... Больше двух седмиц миновало. Считай, уже три, если вспомнить, что приглашение передавали за несколько дней до самого праздника. Значит, если верны самые худшие предположения, там сейчас готовится к вылу-

---

¹ Цех — аналог современного профсоюза. В городах все мастера одной профессии объединялись в цехи, которые зачастую играли большую роль в управлении городом.

² Комоеды — праздник проводов Зимы. Как правило, последний день праздничной седмицы совпадает с днем весеннего солнцеворота.

лению беспокойник. Полдень миновал. Шанс есть, тем более что на лезвии ножа не проступило никаких знаков, предупреждающих об опасности. Что ж, тем лучше. Возможно, моя роль еще проще — надо лишь проколоть родник жизни, нарушая его целостность и отпуская душу, и нейтрализовать труп. Укол осиновым колом и несколько строчек заговора, потом костер — и все дела.

Несколько раз глубоко вздохнув и сосредоточившись, крепче стиснул в руке нож и свободной рукой толкнул дверь. Расслабляться не стоит. Мало ли...

Внутри было темно — крошечное окошко едва пропускало свет, а дверь пришлось прикрыть, чтобы лишить шанса выбраться на свободу. В ноздри ударила ядреная смесь запахов — пыли, дыма, плесени, нечистот, давно не мытого тела, прокисших щей. Какой контраст с ароматами весны за порогом!

Когда глаза немного привыкли к темноте, осмотрелся по сторонам, оставаясь на пороге. Сеней как таковых в доме не было — только тесный «предбанник», где была кое-как свалена какая-то рухлядь. В самой полуземлянке было тесно — сложенный из камней очаг, ларь с добром, лавка, стол. И тело на лавке.

С первого взгляда было заметно, что моя помощь как некроманта не нужна. Ибо ведун был еще жив. Присутствия Смерти не ощущалось. Чтобы я — и не почувствовал свою жену? Откровенно говоря, меня это слегка огорчило. С одной стороны, хотелось лишний раз повидаться с нею, а с другой, если в моих услугах не нуждались...

— Ты...

Голос тихий, как дуновение ветерка.

— Пришел... зачем?

— Позвали, — наугад брякнул я.

— Они?

Почему-то не было сомнений, что речь идет о хуторянах.

— Да.

— Зачем?

— Боятся...

— Ты... кто?

Лицо в темноте кажется белым, глаза на нем подобны двум провалам.

— Згаш Груви. Некромант...

— Некромант. — Послышался тихий смешок, похожий на кашель и всхлип одновременно. — Боятся... чувят... смерть...

Я невольно бросил взгляд по сторонам. Странно — они чувят. А я — нет!

— Ее здесь нет!

— Знаю. Пока нет... подойди, некромант...

Пальцы на ноже свело судорогой, но ноги сами сделали три шага. От распростертого на лавке, укрытого старым полушубком тела исходил тяжкий дух. Сколько же он не вставал с постели и ходил под себя, не имея сил даже повернуться на бок? На полу — пустая кружка. Пахнет мышами и плесенью. Осунувшееся лицо какое-то мертвое, взгляд ввалившихся глаз пустой.

От «ароматов», исходивших от болящего, слегка замутило. Не то чтобы потемнело в глазах, но дыхание на всякий случай пришлось задержать. Нутряная болезнь, видимо, разъедала ведуна уже давно, и сейчас это тело разлагалось заживо.

Худая рука с узлами проступивших вен приподнялась над постелью.

— Дай... руку...

Э нет! Мы ученые! Знаем, зачем колдуны вот так тянутся к живым!

— Да не бойся ты! Нет уже их... сил-то... Просто... помоги...

Собрав волю в кулак, сделал последний шаг и протянул руку. Дрожащие пальцы не сразу нашли мою ладонь, сжали. Силы в этом пожатии не было никакой — младенец хватается и то крепче!

— Слушай меня... некромант, — слышался слабый голос, — мне немного осталось...

— Это уж не нам судить... — пробормотал себе под нос.

— Не перебивай! Я... ее чувствую...

Странно, а я до сих пор нет! Дорогая, ты скоро? Мне долго сдерживать дыхание трудно!

— Ты... смелый... пришел... Не испугался! Они — трусы... Хочу тебе помочь...

Что? Ущипните меня!

— Помогу, чем смогу... Только позови...

Интересно, как он это себе представляет?

— Только сейчас... помоги уйти!

Ого, вот это да!

Сказать по правде, эта просьба была... ну, мягко говоря,

странной. Ибо выполнить ее можно было двумя способами. И если с первым справится любой мужчина — топором по твоему, и вся недолга! — то для второго как раз и требуется некромант. Заключается он в том, чтобы поступить с живым человеком, как с настоящим упырем: осиновый колышек в сердце, заклинания, охранные круги и прочее. Душа убитого, покидая тело, тем не менее остается в этом мире, но, в отличие от призраков, ничем себя до определенного момента не проявляет. Что это за момент, как правило, оговаривается до совершения действия. Многие некроманты таким образом создают себе целую армию слуг, вселяя потом души либо в подходящие мертвые тела, сообщая им подобие жизни, либо в неодушевленные предметы. Так что если где-то в книге встретите меч, наделенный душой, знайте — обрел он ее именно так. Но вот чтобы добровольно пойти на такое дело, доверившись первому попавшемуся «специалисту»? Это кем же надо быть?

— Ты... сделаешь это?

— Но зачем?

— Я больше не могу...

Что ж, тут не поспоришь. Его душа не может покинуть тело, пока не отыщет преемника силы. А тело уже практически мертво и начинает разлагаться. Да и сила... Вот не чувствуется ее присутствие — и все тут! Следы — передо мной был действительно ведун — ощущались. А вот что-то такое, что можно было передать преемнику...

— Ты... мне поможешь... уйти?

— Я некромант, — говорить, задерживая при этом дыхание, было проблематично, — если я сделаю то, о чем вы просите, я...

— Знаю... ты — мне, я — тебе... Поможешь?

Ого! Мне тут добровольный помощник буквально напрашивается! Сколько некромантов именно из-за этого имеют неприятности с законом, ибо насильно завладеть чьей-либо душой нельзя. Но, если все сделано добровольно, по личной просьбе «душевлладельца», так почему бы и нет? Тем более что любой допрос покажет, что все было именно так — врать души не умеют. Отказываться от такого дара? Не хочется. Другой вопрос — а зачем мне эта душа? Для нее нужно как минимум подобрать соответствующее вместилище...

А, ладно, была не была!

— Сейчас.

Помнится, когда-то мой начальник уже отпускал душу какого-то старика в больнице, еще прошлым летом, в начале моей карьеры. Но там была душа самого обычного человека, а здесь ведун.

Задрав на тощей груди рубаху и мысленно приказав себе не быть брезгливым — давно ли на практике трупы в городском морге препарировал! — я кончиком ножа осторожно начертил на коже умирающего необходимые знаки, стараясь не делать надрезы слишком глубокими. Покончив с этим делом, убрал нож и простер над телом руку.

Линии набухли кровью. Ладонь окутало жаром. Несколько секунд я терпел, а потом резко сжал пальцы правой руки в кулак, а левой рукой резко забил осиновый кол умирающему в грудь.

Откуда-то вспорхнул крупный серо-бурый мотылек и бестолково заметался по темной комнате. Подхватив с пола кружку, я кинулся ловить насекомое. Оно быстро отыскало источник света и отчаянно забилося в оконце. Накрыв его кружкой, осторожно взял мотылька в горсть и тихо дунул, погружая его в сон. После чего достал платок и завернул в него добычу. Теперь следовало как можно аккуратнее донести его до дома и там положить в укромное местечко.

Мертвое тело ведуна распростерлось на лавке. Ручаюсь — в последние мгновения жизни он не испытывал боли. Не утруждая себя обыском, разбросал на полу дрова и все найденное тряпье, добыл огонь, дождавшись, пока язычки пламени неохотно примутся разгораться, и после этого тихо вышел наружу.

Яркие краски весны, синее небо над головой, набухающие на ивах почки, желтые пятнышки гусяного лука и синие пролески, первые зеленые травинки, звонкие птичьи голоса — вся эта буйная жизнь оглушила меня в первый миг. И я прислонился в двери, дыша полной грудью, не сразу заметив, что кругом полно зрителей. К хуторянину успели присоединиться человек десять любопытствующих — не рискуя подходить близко, они топтались поодаль и пожирали меня глазами.

— Ну чего там, господин некромансер? — не выдержал молчания кто-то из них. — Живой он али как?

— «Али как!» — передразнил я, выпрямляясь. — Помер ведун.

— Как? — чуть ли не хором охнули все. — Как — «помер»?

— Как-как... — Я прижал ладонью карман, где лежал завернутый в платок мотылек. — Как все. От лютой смерти помер.

«*Хи-хи...*»

Я стремительно обернулся. Мое обескураженное лицо заставило стоявшую на углу женщину рассмеяться.

«Э-э... ты... Привет!»

Это неправда, что Смерть стара и уродлива. На самом деле Смерть — вечно юная и прекрасная женщина во вдовьем одеянии, но с непокрытой, как у незамужней девушки, головой. Лишь те, чья совесть нечиста, кто страшится перехода в иной мир, видят ее по-другому — чудовищным скелетом в черном балахоне, с косой, которой она перерезает нить жизни. Но достаточно посмотреть на статуи, которые стоят в каждом храме Смерти, чтобы понять, что это не так.

Да, Смерть на самом деле тиха, спокойна и красива. И, как ни странно, она — моя жена.

Как это случилось? До сих пор не могу поверить. Почему она выбрала меня? За что? Как-то Смерть обмолвилась, что я оказался не таким, как все. Я был готов помогать людям, бороться за их жизнь и жизнь их близких, не считаясь с последствиями. Для некроманта сие непривычно. Может быть, потому богиня и обратила внимание на вчерашнего выпускника, на тот момент не успевшего ничем себя зарекомендовать? Но это благодаря Смерти я в свое время не отправился на тот свет, хотя мог бы...

Когда-то меня укусил упырь. Для живого человека это наверняка означает медленную мучительную смерть, после которой его ждет превращение в чудовище, питающееся кровью и плотью людей и животных. Мэтру Куббику удалось удалить из раны часть яда, но не до конца. Перерождение шло, несмотря ни на какие усилия, пока не вмешалась Смерть. Она просто не дала мне умереть, сидела рядом, держала за руку, как самая обычная женщина, даже, помнится, плакала чуть-чуть... А когда я все-таки выжил, объявила меня своим супругом.

«— *Ну супругой ее можно назвать лишь условно, —* сказал мне тогда мэтр Куббик, едва я пришел в себя и смог что-то понимать. — *Помните, я вам рассказывал, что в каждом поколении некромантов Смерть выбирает себе одного-двух любимчиков? Ничего особенного такой выбор не дает: чуть-чуть дольше жизнь, чуть-чуть больше удачи... Как правило, новый любимчик*

появляется только после того, как она расстается со старым... по какой-то причине. Это очень редко бывает собственно гибель «избранника» — точно сказать никто не может, ибо статистика не велась... Все про это знают, но исследовать явление никто не пытался. Короче говоря, этих-то любимчиков и называют «супругами» Смерти...»

Да, именно так. Смерть — моя жена. А я — ее супруг, как ни странно это звучит.

«Привет! — Она опять улыбнулась темно-вишневыми устами, которые странно смотрелись на мертвенно-бледном лице. — Давно не виделись!»

«А... э-э... да. Давно... Ты что тут...»

«Делаю? А где мне еще быть?»

«Ну, не знаю. У тебя всегда так много дел...»

«Успею еще». — Она кокетливо дернула плечом.

Что-то новенькое! Обычно этот диалог повторялся с точностью да наоборот. Я — упрасивал ее задержаться, мол, еще успеешь, а она...

«Ты никуда не торопишься?»

«Пока нет. А ты приглашаешь?»

Ой, ущипните меня! Со мной заигрывают?

«Чего тебе надо?»

«С чего ты взял, что мне от тебя что-то надо?» — Вишневые губки обиженно надулись.

«Ну... тут только что кое-кто умер. Разве ты не должна...»

«Какое интересное наблюдение! Ну?»

Тонкая рука протянута навстречу. Ладонь требовательно раскрыта. И ежу понятно, чего ждет Смерть.

Мотылек слабо трепыхнулся в носовом платке. Совсем чуть-чуть, но этого было достаточно.

«Не дам!»

«Что?»

«Это моя добыча!» — делаю страшные глаза.

«Не поняла...»

«А чего тут непонятного? Он тебя тут в одиночестве сколько времени ждал? Сколько мучился, когда ему даже кружки воды подать было некому? Эти люди боялись нос сюда сунуть — страшно им, видите ли! Чего они испугались? Простого человека...»

«Не простого...»

«Пусть не простого, согласен. Но человека! Он им сколько

раз помогал — и детей лечил, и скотину на ноги поднимал, и всякие пропажи разыскивал, и советы давал. А из них хоть бы кто смелости набрался и порог переступил! Оставили помирать в нетопленной землянке, без глотка воды и куска хлеба...»

«Люди...»

«Люди! — яростно кивнул я. — Но ты-то! Могла быть хоть чуть-чуть милосерднее? То являешься не вовремя, то не дождешься тебя...»

«Я не поняла. — Интонации голоса моей жены остались прежними, но вокруг словно холодом повеяло. И птицы как-то резко замолкли. — *Это упрек?*»

«Это, — я ладонью прижал бьющегося в кармане мотылька, который силился выбраться из платка, — констатация факта. Почему ты не забрала его раньше? Почему все должен делать я?»

«*Ой-ой!* — Смерть закатила очи с видом задерганной работой домохозяйки. — *Кто бы говорил, что перетрудился! Всею одну жизнь забрал, а возмущаешься так, словно у тебя больше тысячи их с утра было... Я, между прочим, ради тебя тут стою. Ты знаешь, сколько народа сейчас меня пытается дозваться? В столице вот прямо сейчас вора вешают. Он в петле болтается, задыхается, а умереть не может! А все потому, что я просто хочу несколько минут побыть рядом с супругом. А он, вместо того чтобы порадоваться жене, упреками ее осыпает!»*

«Ну извини, — выдавил я, вовремя вспомнив, на ком женат. — Просто... мы так редко видимся. Я скучаю».

«Я тоже, — соизволила моя благоверная сменить гнев на милость. — *Ну давай, да я пойду*».

«Чего — давай?» — опять сделал вид, что не заметил протянутой руки.

«*Как — чего? Душу!*»

«Э нет! Я же сказал — это моя добыча! Он мне сам ее отдал в обмен на...»

Тут мысль споткнулась, причем не на ровном месте, а словно бы сделав круг и запнувшись о ту же самую ямку, что в прежний раз. Кроме полной власти над своей душой ведун не передал больше... ничего! Ни капли его сил не досталось мне. Пусто! Но этого не может быть! Он не мог умереть без этого.

Я еще раз посмотрел на Смерть. Моя жена проявляла нетерпение — видимо, ее и впрямь заждались, — но не трогалась с места.

«Ты... поэтому к нему не торопилась?» — поинтересовался я на всякий случай.

«Не только. Если бы кое-кто был более внимателен...»

Мотылек затрепыхался так отчаянно, что пришлось сунуть руку в карман и стиснуть в кулаке взбесившееся насекомое. Его лапки весьма ощутимо скребли ладонь.

«Ему оставалось не так-то много».

«Да. Ты отдашь мне ее?»

«Нет. Извини».

«Как хочешь!»

Стройная фигура стала расплываться, таять в воздухе. Сно-ва повеяло теплом, зазвучали голоса птиц, вернулись запахи и яркие краски. Я осознал, что последние несколько минут стоял, уставившись в пустоту. Зрелище, наверное, уморительное и пугающее одновременно — застыл себе человек и только беззвучно шевелит губами. Вон хуторяне чуть в обморок не попадали, а кто потрусливее — уже сбежал.

Смерть исчезла, оставив после себя легкий аромат грусти. Вот и поговорили... Следующая наша встреча, столь же мимолетная, может состояться через несколько дней, а то и месяцев. А я, между прочим, скучаю!

Когда я вернулся домой, на крыльце обнаружился мэтр Куббик, присевший на ступеньку и строгающий осинового колышки. Вся земля вокруг была усеяна стружками, рядом валялась груда осиновых палок, а сбоку постепенно росла стопочка колышков. Сейчас это была простая древесина. Чтобы сохранить и даже как-то приумножить ее магические свойства, следует окунуть колышки в специальный раствор. Тогда они и через несколько лет, вне зависимости от условий хранения, останутся свежими и годными в дело.

— Добрый день, Згаш. — Мэтр ненадолго отвлекся от своего занятия. — Как съездили? Нормально?

Я отвел кобылку в конюшню, расседлал и вернулся к крыльцу.

— Нормально. На сей раз вызов не ложный — действительно личинка!

— Это радует. — Мой напарник продолжал строгать.

Из дома, привлеченная голосами, важно выбралась Варешка — белая пушистая кошка с черным хвостом и черным пятнышком на мордочке — и, раздраженно дернув хвостом, ода-

рила презренных мужланов томным взором леди «в интересном положении». Обычно она спала в одном из кресел в большой комнате на первом этаже и яростно царапалась, едва кто-то, забывшись, пытался на нее сесть. Однако время от времени все-таки покидала нагретое местечко, чтобы прогуляться. Животик ее с некоторых пор начал округляться, и характер Куббиковой любимицы испортился. Мы подвинулись, уступая кошке добрую половину крыльца. Она воззрилась в мою сторону с негодованием и зашипела, топорща усы.

В чем дело? Вроде умылся, рабочую куртку оставил на ковшне... Мертвечиной разить не должно... Ах да!

— Мэтр, — сунув руку в карман, обнаружил трепыхающегося мотылька, — а скажите, по какой причине ведун не может отдать преемнику свою силу перед смертью?

— Ведун или колдун? — Куббик перестал строгать.

— Не все ли равно?

— Ну вообще-то разницы особой нет. Колдун передает, как правило, «чистую» энергию, которой еще надо научиться пользоваться, а ведун делится именно знаниями. Только очень сильные ведуны могут передать свою силу кому-то. Да и то не всю.

— И могут умереть, унеся с собой в могилу...

— Знания. Но не силы.

— Понятно.

Мотылек отчаянно скребся, и пришлось сжать кулак, чтобы утихомирить насекомое.

— Но вообще-то знания без силы — ничто. На кой ляд тебе информация, если не знаешь, как ею воспользоваться? Так что и передача силы, как правило, имеет место быть. Только это не та сила, которой располагаем, например, мы. Ведуны отдают не свои силы, а то, что накопили из внешней среды.

— Но отдают обязательно?

— Да.

— А если не отдают? Такое бывает?

— Бывает. — Мэтр перестал строгать, выпрямился и уставился вдаль. — Как правило, в трех случаях. Первое — ведун истратил все накопленные силы на борьбу с каким-либо злом, но не смог его одолеть именно потому, что исчерпал себя до дна и умирает, проиграв битву. Второе — это самозванец, только по имени являющийся ведуном, и сил у него практически нет, а стало быть, и передавать нечего...

— Это не наш случай! — быстро вставил я.

— Ну и третье, — мой напарник прищурился, — если его обокрали.

— Как? — Я аж подпрыгнул.

— Как обычно! Вытянули энергию вместе с жизненными силами посредством... Стоп, а с чего вдруг такой интерес?

— Просто... подумалось... Мы же со Смертью работаем, вот и решил... подумал...

Но сбить с толку мэтра Куббика оказалось невозможно. Он вцепился в меня, как охотничий пес в подранка, и не отставал, пока не узнал все обстоятельства этого дела.

— Да, похоже, я был прав, — заключил он, выслушав весь рассказ и многочисленные дополнения. — Похоже на воровство. Хотите расследовать это дело, Згаш?

— А это обязательно? — поинтересовался я, уже догадываясь, каким может быть ответ. В самом деле, если имела место кража *силы*, то где-то поблизости ходит... правильно, опасный тип. Он сам по себе маг, который наверняка замыслил что-то дурное. Чужая *сила* могла ему понадобиться, если он, затаившись в провинции, накапливает энергию для совершения какого-либо противозаконного действия. В этом случае ведун может пострадать и как нежелательный свидетель. Но почему он мне ничего не сказал? Сам не знает, что его обокрали? Но это невозможно! Украсть *силу* у ведуна — совсем не то, что стащить кошелек у ротозея. Подобное можно сравнить с попыткой «незаметно» отрезать руку или ногу. И тогда понятна его болезнь — лишившись *силы*, он как бы истек жизненной энергией. Возможно даже, он был ранен в реальной схватке, а потом победитель высосал у побежденного *силу* и оставил умирать. Но кто этот человек? Об этом стоило подумать.

— Думаю, это дело как раз для вас. — Мэтр вернулся к прерванному занятию. — Заодно и в Малые Звездуны наведайтесь.

— А это-то зачем?

Прошло более полугодика с того дня, как я последний раз переступал порог замка графов Байт. Именно полгода назад, в конце осени, так и не дождавшись возвращения младшего сына, умер старый граф. Его подкосило известие о том, что титул графа возвращен-таки Анджелину Масу, а значит, его сыну Дарину, если он явится домой, не придется стать градоправителем. Старик скончался на другой день после получе-

ния этого известия. От городского некроманта требовалось засвидетельствовать естественность этой смерти. А заодно выяснить, не стал ли старый граф привидением — ибо напряженное ожидание сына могло задержать его душу на земле до этого момента.

— Нас вызывает ее светлость графиня Лавина Байт.

— Что-то с Ладрианом?

Мэтру Куббику в прошлом году, подчиняясь настойчивым просьбам графини, удалось-таки оживить тело молодого виконта, убитого на дуэли Анджелином, но именно что тело — души и разума в нем не осталось ни крупинки. А все потому, что до этого с ним как следует «поработал» уже упомянутый Гебриан Чернореченский, который в настоящей некромантии ничего не понимал. Естественно, он все испортил. Внешне теперь это был молодой мужчина лет двадцати, но с разумом новорожденного младенца. Он не умел совершенно ничего: ходил под себя, не ел самостоятельно, не умел одеваться, не разговаривал. Разве что передвигаться как-то научился, но только держась за руку. Материнская любовь сыграла с графиней злую шутку — она была обречена до конца своих дней ухаживать за существом, которое лишь внешне напоминает ее сына, без какой-либо надежды, что однажды в его глазах мелькнет проблеск мысли.

— С его женой.

А вот это дело плохо. Невестка леди Лавины, юная красавица леди Гемма, была приговорена к домашнему аресту и оставлена на попечение свекрови, косвенно виновная — полностью обвинения снять не смогли — в смерти своего мужа. Лишь знатность рода и беременность спасли ее от более жестокого наказания и возможной тюрьмы. Всю тяжесть обвинения вынесли на себе ее брат, барон Гебриан Чернореченский, и бывший лейтенант городской стражи Таран Винт. Этого последнего от суда инквизиции спасло только отсутствие у него магических способностей. Но галеры — плохая замена смертной казни.

— А что с его женой? — поинтересовался я, стараясь себя не выдать.

— Вы же знаете, Згаш, что со дня смерти виконта Ладриана прошло почти восемь месяцев. По словам леди Геммы, она забеременела за пару недель до этого, но по неопытности не распознала вовремя свое положение и не успела порадовать

мужа. Следовательно, на днях она должна разрешиться от бремени. Но леди Лавина подозревает обман — нет никаких признаков приближения родов...

— И она хочет узнать, не обманывала ли ее невестка?

— Да.

— Но почему именно я?

Ответить мой напарник не успел — на дворе появилось новое лицо. Вернее, морда.

Черный кот по кличке Зверь собственной персоной. Это существо мне в прошлом году принесли в качестве «премии» за работу. Выглядел он тогда ужасно — пришлось повозиться, сращивая переломы и зашивая рваные раны, полученные в драке за место под солнцем. Кот так и прижился у нас: не только потому, что у меня рука не поднялась вышвырнуть за порог животное, которое сам же лечил и выхаживал. Просто он совершенно неожиданно завоевал сердце прежде неприступной Варезки.

Котьяра, отъевшийся за зиму, возник откуда-то сбоку, гордо волоча в зубах огромную крысу. Подойдя к крыльцу, он свалил добычу к лапкам супруги.

— М-мыф! — И без слов ясно: «Хвали меня, любимого!»

Варезка брезгливо сморщила носик, сверху вниз глядя на дохлого грызуна:

— М-эм? — Что в переводе означало: «Ну и что это такое?»

Дальнейший диалог, состоявший из фырканья, мурлыканья, мяуканья и весьма выразительных гримас, даю сразу в переводе.

«Дорогая, не видишь, что ли? Это крыса!»

«Сама вижу! И что мне с нею теперь делать?»

«Как — что? Ты же утром меня просила...»

«Я просила вот это? Ты с ума сошел!»

«Но тебе же так хотелось чего-нибудь...»

«Убери немедленно эту гадость! Я не ем крыс! Меня от них тошнит!»

«Вчера не тошнило, а сегодня тошнит?»

«Да, сегодня! — Раздраженное подергивание хвоста. — И вообще, принес бы лучше рыбки...»

«Рыбки? А где я ее-то возьму?»

«Меня не волнует. — Гордо задранный носик. — Налови!»

«Ты с ума сошла, женщина! В воду не полезу никогда!»

«Ты...ты... — в глазах кошки застыло почти человеческое негодование, — бесчувственный чурбан! Ты меня совсем не любишь! Ну конечно, я стала такая толстая и некрасивая... За-вел небось себе молоденькую симпатичную дурочку... Вот и катись, куда шел! И подарок ее забери! Мне чужого не надо!»

«Дор-рогая! — Кота затрясло. — Ты в порядке?»

«Нет! Нет! А все из-за тебя! Вот мужчины! Я отдала ему лучшие годы жизни, а он... Умру — будешь тогда знать!»

На этой трагической ноте, возмущенно фыркая, подергивая хвостом и задрвав носик, Варежка плавной походкой соизволила удалиться, оставив трех мужчин на крыльце.

Зверь медленно расслабился, пригладив шерсть на загривке, и одарил нас с мэтром снизу вверх красноречивым взглядом.

— Понимаю, брат, — я почесал за когда-то порванным в драке ухом, — у меня самого проблемы!

Кот фыркнул и, привстав, толкнул дохлую крысу лапой.

— Угощаешь? — не поверил своим глазам.

— А по-моему, он хочет, чтобы мы оживили бедное животное, — заметил мэтр. — По принципу: «Так не доставайся же ты никому!»

Мы с котом посмотрели на него с одинаковым недоумением, но вслух ничего не сказали.

— Так как, Згаш? Поедете к Байтам?

А куда деваться?

ГЛАВА 2

Внутреннее убранство старого замка — хотя какой он старый, двести лет всего! — осталось прежним. Тот же двор, то же строение с парадным крыльцом, те же надворные постройки и небольшой фонтанчик в окружении плодовых деревьев в дальнем углу двора. Только теперь здесь царила совсем иная атмосфера: внутри оставшихся неизменными каменных стен навеки поселились тоска и скорбь. Никогда уже не загорятся огни, никогда в залах не зазвучит музыка, не будут слышны смех и шутки, не съедутся на веселый пир гости. Некому устраивать пиры. Ибо единственный наследник замка, виконт Ладиан Байт ныне просто тело без души и разума, его

мать стареет, а ее невестка, леди Гемма, бывшая баронесса Чернореченская, содержится тут под домашним арестом.

Однако есть на свете вещи, которые не подвержены переменам. И вышедший навстречу мне Анджелин Мас как раз принадлежал к таким символам стабильности.

— Згаш! — Сильный властный голос прокатился над двором. — Это вы?

— А вы ждали мэтра Куббика?

— Вообще-то мне все равно. Просто рад вас видеть!

Смотреть на бывшего градоправителя можно было только запрокинув голову — он почти на голову превосходил большинство окружающих его людей. Широкие плечи, длинный плащ — темного цвета в любую погоду — решительная походка, цепкий взгляд исподлобья делали его кандидатом на роль некроманта, в отличие от мэтра или меня. Ничего удивительного, что, столкнувшись с ним в первый раз и почувствовав на себе холодный взгляд его колючих светлых глаз, ваш покорный слуга почувствовал себя неуютно. Я себя хлюпиком не считаю, но рядом с таким верзилой всегда ощущаю себя мальчишкой. И подумать только — в прошлом году этому типу спасти жизнь довелось именно мне, шагнув вслед за ним на вересковые пустоши и в самый последний момент вырвав его душу из объятий Смерти! После этого мы подружались, побратались, и не было ничего удивительного в том, что Анджелин Мас вышел встречать названного родственника.

Трудно было поверить в то, что этот суровый, с усталыми злыми глазами мужчина умеет улыбаться, но мне одному из немногих случалось видеть улыбку на его лице. Таковую, как сейчас.

— Проходите, Згаш! — Широкая длань сделала приглашающий жест. — Располагайтесь, будьте как дома...

— Но не забывайте, что вы в гостях, — припомнилось окончание известной поговорки.

Остановив какого-то слугу и приказав доложить графине о приезде некроманта, Анджелин провел меня в большой зал. Из-за его размеров высокие стрельчатые окна не могли как следует осветить дальние углы. Две широкие лестницы, ведущие во внутренние покои, были погружены в полумрак. Здесь было еще мрачнее, оттого что окна выходили явно на север, а сейчас день клонился к закату.

— Ты вообще знаешь, зачем тебя пригласили, Згаш? — В отсутствие посторонних бывший градоправитель всегда был со мной на «ты».

— Леди Лавина сомневается в словах леди Геммы по поводу того, что у невестки под сердцем ребенок виконта Ладiana?

— Мэтр Куббик так сказал?

— Да, — не стал скрывать я. — И, как я понял, надо вызвать дух виконта, дабы он подтвердил или опроверг ее слова?

Анджелин кивнул, заложив руки за спину, прошелся туда-сюда. Шаги его гулко отдавались эхом.

— Да, но...

— Есть сомнения?

— Есть. Дело, скажу я, весьма щекотливое. На данный момент этот ребенок — либо наследник имени и титула, либо — бастард, никаких прав не имеющий. А я — граф, как и этот младенец. Понимаешь?

— Нет.

— Право наследования, Згаш. — Бывший градоправитель остановился так резко, словно налетел на стену. — У меня нет детей.

— Еще рано беспокоиться! Ты молод, здоров... Что такое тридцать пять лет? Еще успеешь...

— В любом случае, даже если я женюсь уже завтра и послезавтра сделаю своей жене ребенка, старшим будет объявлен этот младенец в утробе леди Геммы! И после моей смерти именно от него может зависеть благополучие моих детей. А если разница в возрасте окажется существенной, то и сама жизнь! Этот замок... — Он взмахнул рукой. — Эти земли. — Последовал жест в сторону окна. — Как дальний родственник я имею право на все это в случае, если у виконта Ладiana не окажется прямых наследников! Если выяснится, что леди Гемма всех обманула и носит бастарда.

— Или если родится девочка, — пробормотал я, отлично зная, что обман имел место.

О да, у графини Байт и Анджелина имелись все основания подозревать леди Гемму в обмане. Так уж вышло, что, одарив юную виконтессу красотой, боги не отмерили ей ни капли доброты, душевного тепла и способности любить. Леди Гемма, вышедшая замуж в пятнадцать лет, уже через год разочаровалась в своем муже и пожелала обратить томные взоры на красавца Анджелина Маса. Градоправитель находился тогда в

зависимом от ее свекрови положении — он жил в замке графов Байт в Малых Звездах, управлял городом от имени вдовой графини, но и только. Байты лишили его предков всего — но только не чести. И Анджелин ответил отказом на домогательства леди Геммы. Она неоднократно пыталась его соблазнить, из-за чего градоправителю вовсе пришлось уехать из замка и поселиться в Больших Звездах. Отвергнутая виконтесса и задумала тогда план мести. Анджелин должен был умереть, а ее брат Гебриан Чернореченский хотел ей в этом помочь.

Но случилось непредвиденное: леди Гемма овдовела, не доведя свой план до конца. Остаться графиней Байт ей мог помочь ребенок — наследник Ладяна, которого у нее как раз и не было. В отчаянии молодая женщина вознамерилась заполучить младенца любым способом — она подговорила брата воскресить труп ее супруга на те несколько минут, которые понадобились бы леди Гемме для зачатия младенца. Однако, как уже упоминалось, ее недоучка-братец все испортил, и тогда виконтесса обратила свои взоры в мою сторону.

Я тогда как раз переживал последствия укуса упыря — а этот упырь был в некотором роде творением Гебриана, который таким образом «набивал руку», — и не вполне отдавал отчет своим поступкам. Точнее, мое тело вело себя не слишком адекватно, а я был словно заперт внутри и ничем не мог помешать. Сыграло свою роль и то, что внешне, цветом волос и глаз, я оказался немного похож на Ладяна. Одного раза оказалось достаточно для того, чтобы леди Гемма забеременела. И носила теперь *моего* ребенка, выдавая его за дитя от Ладяна. Ребенка, который может помешать Анджелину, моему другу, получить причитающееся ему богатство. Так что действительно самым лучшим вариантом в сложившейся ситуации будет рождение девочки.

— Это было бы неплохо, — усмехнулся Анджелин, каким-то образом догадавшись о терзавших меня мыслях. — Этим разом решило бы все проблемы. Тогда бы не пришлось идти на преступление...

— Ты... вы... убьешь ребенка?

— А тебя так уж волнует судьба бастарда? — нехорошо усмехнулся мой названный брат.

Откровенно говоря, в душе боролись противоположные чувства. С одной стороны, матери часто избавлялись от незаконнорожденных детей — их бросали в лесу на съедение ди-

ким зверям, их душили пуповиной и тайком зарывали на задворках, их отдавали «для опытов» тем же некромантам. Их просто травили еще до рождения. Сам мэтр Куббик дорого бы дал за то, чтобы приобрести младенца. И мы на практике в Колледже тоже... несколько раз...

Но к рождению этого малыша я-то имел весьма непосредственное отношение, хотя и совершалось все без моего согласия! Одно дело — когда пересподишь с девчонкой и бросаешь ее, расставаясь навсегда и без желания вернуться, и даже не запоминаешь имени случайной подружки. И совсем другое — когда мать практически находится у тебя на глазах. Второй вопрос, что сама мамаша не горит желанием сообщать радостную весть — в глазах всего света это ребенок виконта Ладиана. Она даже под пыткой не признается...

— Убью, — прозвучал решительный голос, — если он будет угрожать мне!.. Пойми, Згаш, мне вернули титул, но больше у меня почти ничего нет. Городом и землями владеют по-прежнему другие! Чтобы жениться и исполнить свой долг перед предками, мне нужно принести своей невесте нечто кроме имени и титула. И на пути к этому сейчас стоит леди Гемма и ее ребенок. Мне нужно убрать их с дороги. Ты мне поможешь?

Он в два шага оказался рядом и тяжело опустил руки мне на плечи. Я мог остановить сердце Анджелина простым напряжением воли, но не смог противиться тяжелому взгляду ярко-синих глаз.

Обряд по вызыванию духа проводили после заката. Дождавшись, пока за окнами стемнело окончательно, я приступил к подготовке места действия. Кое-какие необходимые приготовления были сделаны заранее. В центре выбранной для обряда комнаты установили кресло, на полу была начертана восьмилучевая пентаграмма, на лучах которой стояло восемь свечей. Некоторые символы ее пока оставались незавершенными — их черед настанет потом. Девятая свеча установлена на блюде на полу у самых ножек кресла. Книга раскрыта на нужной странице, в чашу с вином добавлен порошок.

Обычно его полагается вдыхать, дабы поскорее прочистить мысли и облегчить концентрацию. Вино усиливает воздействие, и само тоже «усиливается», так что, учитывая количество выпитого за ужином, завтра меня будет мучить жестокое похмелье, а последняя стадия опьянения — «в дрова» — может

наступить уже через четверть часа. Голова уже начала шуметь и кружиться. Самое оно! Мне сейчас крайне необходимо напиться. А то что-то нервишки шалят...

Воздух рядом со мной сгустился в облачко тумана, которое постепенно приобрело очертания тощей старческой фигуры, на которой парадный камзол висел мешком. Только его тут не хватало! Призрак старого графа Байта, дедушки Ладиана и свекра его матери, леди Лавины! Старик долго и упорно ждал, когда в родные стены вернется его младший сын, виконт Дарин Байт, дядя Ладиана, покинувший Большие Звездуны более четверти века назад. Он так и умер в ожидании и после смерти стал призраком, развоплотить который может лишь появление его младшего сына. При жизни старый граф даже меня принимал за внезапно вернувшегося сына, и лишь сейчас, после кончины обретя рассудок и спокойствие, перестал путаться.

— Опять вы здес-сь, гос-сподин? — послышался его надтреснутый тихий голос.

— Вызывали, вот я и прибыл.

— Очень хорош-шо... Что с-с-слышно?

— Пока ничего особенного, — пожал я плечами. — А какие новости у вас?

— Тоже тиш-шина... Я жду!

А вот это не слишком хорошая новость. Означать она могла лишь одно — Дарин Байт все-таки не умер, раз отец, перешагнув черту, отделяющую живых от мертвых, не нашел за нею младшего сына. Старший, граф Верин, отец Ладиана, уже больше десяти лет находится там. Но Дарина до сих пор нет. И если он вернется, то лишь для того, чтобы предъявить на Большие и Малые Звездуны свои права.

Так. Спокойно. Я злой и страшный некромант... Это меня все должны бояться, так чего дергаться? Взмахом руки отпустить надоедливую призрака, чтобы не болтался рядом и не отвлекал разговорами, встать спокойно, скрестить руки на груди, сурово сдвинуть брови. Чего они так долго? Где их бесы носят? А, уже здесь... Скребуются, как мышки!

— Входите!

Голос получился гнусавым и каким-то сдавленным. А вы попробуйте сказать то же самое властным тоном, не разжимая зубов!

Заинтересованные лица явились в полном составе. Впере-

ди шла леди Лавина Байт, ведя за руку пускающего слюни дебила с пустым взглядом. Тело виконта Ладиана переставляло ноги, но ему было все равно, кто, куда и зачем его ведет. Хуже ребенка, честное слово! Новорожденный хотя бы криком дает понять, что замерз, голоден, напуган, а он... Закричит, только если руку отрезать будут.

За этой парой, держась подальше друг от друга, шли Анджелини и леди Гемма. Ее опухшее лицо с мешками под глазами и следами слез напряглось, когда виконтесса заметила меня. До суда она меня не видела и пребывала в твердой уверенности, что труп некоего Згаша Груви, невольно причастного к ее беременности, гниет в крепостном рву, тишком сброшенный туда ее братом. Да и на самом суде мои интересы представлял мэтр Куббик, поскольку я не желал иметь с этим семейством ничего общего. Первый раз мы столкнулись лицом к лицу, когда некромантов вызвали расследовать смерть старого графа. Тогда казалось, что женщина вот-вот умрет от разрыва сердца, — такое у нее сделалось лицо. Не знаю, каких душевных сил ей стоило сохранить видимость спокойствия. Огромный живот, пятна на лице, большая грудь, переваливающаяся походка не оставляли никаких сомнений в ее положении. За ужином она еле держалась, слишком поздно узнав, что именно я буду вызывать дух ее бывшего супруга. Ей было страшно, а в обращенных в мою сторону взглядах было столько всего намешано... Негодование, страх, нетерпение, гордость, даже мольба: «Только не говори ничего!» — и угрозы: «А не то будет хуже!» Кому хуже, милочка? Да, я папа этого младенца, но пусть буду проклят, если испытываю к ребенку какие-то нежные чувства.

А все-таки, что ни говори, они были бы прекрасной парой, Анджелини и леди Гемма! Со стороны как-то виднее, но смотрелись бы плечистый красавец-граф и хрупкая девочка-женщина рядом просто замечательно. Однако внешний вид не всегда соответствует внутреннему содержанию. Мрачный сдержанный Анджелини обладал золотым сердцем и был истинно благородным человеком. А в душе красавицы Геммы не нашлось бы и капли душевного тепла и доброты.

— Прошу вас, миледи! — Я властным и гордым — хотелось бы верить! — жестом дал понять графине, что тело ее сына надо усадить в кресло. — И отойдите подальше. За пределы пентаграммы, иначе я ни за что не отвечаю!

Женщина сделала все. Тело ее сына — вот не получается даже думать про *это* как про бывшего виконта! — утвердилось в кресле. Дышит, моргает — но и только. Ничего, сейчас он у меня заговорит... Ой, как бы с отвычки не наговорил лишнего!

От легкого взмаха руки одна за другой загорелись свечи. Последней вспыхнула та, что стояла у ног *объекта*. Пока она горит, дух виконта будет пребывать в своем бывшем теле, но, едва погаснет последняя искра, улетучится восвояси.

Книга была открыта на нужной странице, и, раскинув руки крестом, я начал начитывать заклинание. Вокруг резко сгустилась темнота. Похолодало так, словно вернулись морозы. Леди Гемма побелела как полотно, двумя руками схватившись за свой живот. Анджелин оставался спокоен, как скала, — он-то уже чувствовал нечто подобное, когда восемь месяцев назад пришлось вытаскивать его душу с того света. А по лицу леди Лавины, как вода, потекли слезы.

— Миледи, — прервав чтение, протянул к ней руку, — ивольте подойти!

Она повиновалась, не отрывая глаз от лица сына. И вздрогнула, очнувшись от своих дум, когда я, ловко схватив ее ладонь, быстро уколол иглой ее запястье.

— Сын, отзовись! Матери кровь призывает тебя!

Присутствие призраков было заметно мне еще несколько секунд назад — они парили поблизости, не вмешиваясь в происходящее, — но все равно зрители вздрогнули, когда виконт внезапно дернулся в кресле, садясь прямее и поднимая голову. Руки ожили и вцепились в подлокотники кресла. Взгляд постепенно прояснился. Уф... получилось...

— Именем света! Властью моей! Слушай меня! Повинуйся мне! — Еще один властный взмах ритуальным ножом подкрепил слова.

Взгляд виконта остановился на моем лице.

— Да, хозяин, — шевельнулись губы, которые много месяцев вообще не издавали никаких звуков. — Зачем вы потревожили меня?

— Ты должен нам кое-что сказать...

— Спрашивайте, я отвечу.

— Твоя мать...

— Ладиан? — непередаваемым тоном воскликнула графиня Байт, бросаясь к нему.

— Назад! — рывкнул я, заставив вздрогнуть всех присутст-

вующих. — Все назад! Живые не смеют преступить запретную черту, дабы не распрощаться с жизнью!

В глазах леди Геммы на миг мелькнуло желание толкнуть бывшую свекровь в спину, дабы та сделала последний роковой шаг. Но оно тут же угасло: рядом, как скала, возвышался Анджелин Мас, который не даст молодой женщине и пальцем шевельнуть. Да и не в ее положении подобные физические упражнения! А тут я еще поднял руку, начиная начитывать заклинание, и люди — в том числе и призрачные — как-то сразу съезжились. А зря! Заклинание-то безобидное. Оно просто закрепляет уже достигнутый эффект, не более того.

— Покуда горит свеча, дух виконта Ладлана находится в теле сем! Стоит погаснуть огню, и вернется дух его туда, откуда пришел!

— Сыночек мой, — всхлипнула старая женщина.

— Мама, — промолвил он в ответ, вызвав бурю эмоций.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга, разделенные невидимой чертой. Я не мешал: надо быть совершенно черствым человеком, чтобы встать в эту минуту между матерью и сыном. Кроме того, есть большая вероятность, что дух виконта заговорит сам, не дожидаясь принуждения, и мне не придется лишний раз напрягаться.

Так оно и случилось.

— Мама, — произнес дух виконта, — ты так изменилась... постарела...

Да уж, чувство такта на том свете не преподают! Хотя призраки не люди, они на многое смотрят по-другому.

— Без тебя, Ладлан, тут все изменилось, — всхлипнула старая женщина. — Твоя жена Гемма...

— Знаю.

Серые глаза метнулись по сторонам. Бывшая виконтесса тоненько пискнула и попыталась спрятаться за Анджелина, но с тем же успехом можно попытаться поднять дом. Ее крепко схватили за локоть и сжали его так, что опухшее лицо побавровело.

— Гемма, — прозвучал глухой голос, — ты... я же любил тебя, а ты... как ты могла... Ты — такая нежная, юная, ласковая... Ты обманывала меня...

— Она обманула всех, — подал голос Анджелин, продолжая стискивать руку молодой женщины.

— Анджелин... милорд...

Взгляды духа виконта и бывшего градоправителя встретились. Между этими двумя не было произнесено ни слова, хотя дух убитого мог бы много чего сказать своему убийце. Но, как уже замечалось не раз, смерть многое расставляет по своим местам!

— Это была случайность, — наконец выдавил мой названный брат.

— Мне не следовало бросать вам вызов. У меня не было ни единого шанса, — сказал его противник. — Не знаю, что на меня нашло. Леди Гемма... если бы я тогда знал то, что знаю сейчас, я бы... извинился перед вами за подозрения... Это я сейчас понимаю, что меня просто-напросто заставили вызвать вас на дуэль. Извините меня.

— Теперь ничего не поправишь.

— Да. — Тело виконта шевельнулось. Дух сделал попытку поднять руку, но — увы! — прежнееместилище души больше не повиновалось ему. — Мне так хотелось вернуться... хоть ненадолго...

— Сыночек мой, — всхлипнула леди Лавина. — Ты так мало пожил... Где ты... сейчас?

Все прекрасно поняли, что она имеет в виду — Пекло или Небеса, — но дух только издал звук, который мог означать смех:

— Здесь. Пока мое тело находится в этом замке, пока оно не обрело покой, я тоже вынужден оставаться тут. На этом свете. Это больно, мама. Это очень больно...

Он внезапно застонал так, словно его пытали, и графиня с тревогой обернулась ко мне:

— Что происходит?

— Дух вашего сына очень мучается, пребывая в теле, которое ему больше не принадлежит. Неумелые чары Гебриана Чернореченского порвали связи между телом и душой, и восстановить их не в моих силах.

Дух опять застонал — громче и отчаяннее.

— Чем дольше он будет находиться в этом теле, тем сильнее будет его боль. Не мучайте его, спрашивайте, что хотели, и я его отпущу...

— Да! — почти закричал виконт, дергаясь, словно в судорогах. — Спрашивайте, да поскорее!

— Твоя жена, леди Гемма...

— Я больше не могу этого выносить! — воскликнула та,

словно только сейчас очнувшись. — Это ужасно! Прекратите жестокое зрелище! Подумайте о моих чувствах!

— Твоя жена... Ее ребенок...

— Это не мой ребенок!

— Нет!

Я стоял спиной, полностью сосредоточившись на том, чтобы удерживать защитный круг и контролировать действие заклинания, и не смотрел по сторонам. Мне не было видно, что произошло, но внезапно леди Гемма бросилась вперед. Ее никто не успел удержать, и она всем телом ударилась о невидимую грань.

Послышался слитный вопль. Кричала леди Гемма от охватившей ее тело ужасной боли. Вскрикнула леди Лавина. Ахнул от неожиданности дух виконта. Мы с графиней бросились вперед почти одновременно, пытаюсь отпихнуть леди Гемму от грани. Ноги ее подкосились, и молодая женщина рухнула на пол. Прежде чем мы успели что-то сделать, ее дух покинул тело и белесым облаком тумана взмыл под потолок. Отчаянный крик захлебнулся, и лишь я один слышал отчаянный визг души, разлученной с телом. Не скажу, что он звучал музыкой для моих ушей — столько в нем было ужаса, боли и ярости.

Мы с леди Лавиной и Анджелином опустили на колени перед ее распростертым телом.

— Она мертва? — Темно-синие глаза бывшего градоправителя смотрели пристально и холодно.

— Боюсь, что да...

— Это ужасно, — всхлипнула графиня. — Вы можете что-нибудь сделать?

— Нет, — подал голос дух виконта. — Никто не может преступить черту... И я... хочу уйти. — Он опять застонал от терзавшей его боли.

— Но ее ребенок...

— Это не мой ребенок!

— Не может быть! — воскликнула леди Лавина с отчаянием и яростью. — Выходит, она все-таки меня обманула...

Взглянув в лицо графине, я от души порадовался, что леди Гемма мертва и на нее не обрушится гнев бывшей свекрови. Хотя, откровенно говоря, ей надо было на ком-то сорваться.

— Я так и знала... этот некромант... Дей Долл, или как его там... это он...

— Нет, это не он!

Рисковать не хотелось. Один взмах руки — и свеча у ног висконта погасла. Сизая струйка дыма взвилась ввысь, и, отлетая, смешалась с нею душа Ладиана. Освобожденное тело обмякло в кресле.

— А? Что? Как? — встрепенулась леди Лавина. — Но почему? Ведь свеча еще не...

— Сквозняк, — соврал я, не моргнув глазом. — Кроме того, лишние секунды нахождения в своем прежнем теле оборачивались для души вашего сына невероятными страданиями...

А еще тем, что он мог бы успеть поведать, что виновником интересного положения ее бывшей невестки был вовсе не тот некромант. А что вы хотите? Образец благородства у нас Анджелин, а я простой человек! Я жить хочу, и желательно долго и счастливо.

— Что... это?

Голос Анджелина отвлек от размышлений. Бывший градоправитель стоял на коленях, во все глаза глядя на тело леди Геммы. Я опустил взгляд — и содрогнулся, когда по мертвому телу прошла судорога. Вздутый живот под моей ладонью дернулся, внезапно становясь твердым, словно каменный. Висконтесса была мертва, но в ней находилась жизнь, которая очень не хотела прерываться.

Нерожденный младенец... Какие перспективы... Не перечить, сколько эликсиров можно приготовить из его крови! Тем более что дух Ладиана ясно сказал — это не наследник имени и титула графов Байт, это бастард без рода и племени, а значит, ни одна живая душа не вступится за этого ребенка.

Кроме души его матери.

— Именем моим, — я выпрямился, раскинув руки, — волей моей... В обмен на плату мою... — Где мой ритуальный нож? — Призываю тебя вернуться... — Так, главное, чтобы руки не дрожали, — в тело твое...

Было уже за полночь, когда я, держась за стеночку, выбрался из замка и с трудом, словно мешок с репой, кое-как взвалил свою несчастную тушку в седло. Судя по выражению лица конюха, вышедшего, чтобы проводить меня, Анджелина, стражи на воротах и морды самой кобылки, совершить такое можно было только в состоянии, близком к помешательству. Ночь на дворе, порядочные люди по домам сидят, крепко спят или жен тискают, а не шатаются бесы знают где! Мой названный

брат в самый последний момент уже взял лошадь под уздцы, заглядывая в лицо с таким видом, словно колебался — оттащить некоего упрянца наверх вместе с кобылкой или все-таки сначала стряхнуть наземь. Но, к счастью, он правильно понял мрачный взгляд исподлобья и ограничился тем, что пробормотал, потрепав конскую гриву:

— Будь осторожен!

Я кивнул. Настроение было премерзким. Меня мутило, кружилась голова, пробирал озноб, а тут еще и мрачные мысли в мозги лезут... Ужасно хотелось упасть на что-нибудь мягкое, закутаться во что-нибудь теплое и заснуть, но в этом замке задерживаться не было больше сил. Так что даже обычный гонорар за вызов духа — один злотый — я ждать не стал и великодушно разрешил отдать деньги позже.

С одной стороны, все складывалось просто великолепно. Леди Гемма осталась жива, и кратковременная смерть — всего две минуты она не дышала — вряд ли могла серьезно отразиться на ее самочувствии и характере. Более того — она удивительно легко и быстро разрешилась от бремени, произведя на свет живого и здорового младенца еще прежде, чем, сбжавшись на крики леди Лавины, слуги успели перенести ее светлость в комнату. Правда, не думаю, чтобы сие событие обрадовало хоть кого-то, кроме Анджелина Маса: ибо вместо желанного и ожидаемого сына леди Гемма родила дочь. Ее положение оказалось незавидным. Будь это мальчик, леди Лавина могла бы формально считать его собственным внуком или хотя бы перенести заботы с одного вечного младенца на другого. Можно было даже, несмотря на свидетельство духа Ладияна, как-то оформить бастарда наследником, но — увы... Майорат¹ не оставлял дочери леди Геммы ни малейшего шанса, пока был жив Анджелин Мас, который, естественно, умирать не собирался.

Когда-то давным-давно леди Мас, выйдя замуж за некоего Байта и оформив опекунство над прадедом Анджелина, отняла у него все, кроме жизни и имени. А теперь все возвращалось на круги своя. Правда, открытым оставался вопрос о Дарине Байте, младшем сыне недавно скончавшегося старого графа. Но этот человек почти четверть века не подавал о себе вестей,

---

¹ Майорат — система наследования, когда состояние передается исключительно по мужской линии.

и начатые прошлой осенью розыски пока не дали результатов. У моего названного брата, таким образом, оказались развязаны руки. Дочь леди Геммы может рассчитывать лишь на приданое своей матери, а все остальное отойдет ее опекуну. Еще год назад Анджелин Мас был никем — просто градоправителем, просто одним из слуг графини Байт. Теперь он получал все. Это не могло не отразиться на его характере и было дополнительным поводом сбежать.

Моей кобылке тоже не нравилось тащиться куда-то среди ночи, тем более ночи весенней, слякотной и довольно ветреной. Неудивительно, что она выбрала кратчайшую дорогу между двумя конюшнями, которая пролегалала... правильно, куда еще может забрести некромант в растрепанных чувствах? Именно на кладбище!

До полнолуния еще была почти седмица, звезды в небе светили не все, и, если бы не вечный огонь возле храма Смерти за деревьями и далекие огни на городской стене, тут вовсе царил бы непроглядный мрак. Но где вы видели некроманта, который заблудился на своем «рабочем месте»?

Я продолжал править кобылкой, посматривая по сторонам. Самочувствие улучшилось — тошнить перестало, — но настроение не изменилось ни капли. Когда-то, прошлой осенью, если быть точным, именно здесь, на кладбище, я назначал свидания моей жене. Смерть тогда охотно соглашалась прогуляться с супругом рука об руку или присесть где-нибудь на пожухлой траве. Какие это были золотые деньки! Можно сказать, тогда я был счастлив... И какой контраст с днем сегодняшним!

Возле одной из могил на голой земле расположились три симпатичные девчушки, кутающиеся в темные накидки, из-под которых виднелись лишь подола белых простых рубах и бледные мордашки. Все трое аж подпрыгнули, едва одинокий всадник оказался в зоне их внимания. Самая младшая — и наивная — даже привстала и кокетливо захлопала глазками:

— Мужчина, а мужчина, что вы делаете сегодня вечером?

— Пошла вон, — процедил мужчина, бросив на троицу косой взгляд.

— Фи, как невежливо! Такой красивый и такой невоспитанный! Неужели вам совсем не о чем поговорить с одинокой девушкой? Мы бы с вами нашли общий язык. — Намекая, ее язычок весьма соблазнительно коснулся приоткрытых губок.